

Анна Ревякина

Родилась 22 сентября 1983 года в Донецке.

Автор поэтических сборников: «Сердце», «UNTITLED», «Хроники Города До. Безвремье», «Зубная фея», «Dominus», «Шахтёрская дочь».

Публиковалась в «Нашем современнике», в «Родной Кубани» и др.

Анна Николаевна Ревякина – член Союза писателей ДНР, член Союза писателей России.

Соавтор сборника гражданской поэзии Донбасса «Час мужества», получившего в 2015 году специальный приз Национального конкурса «Книга года», проводимого Роспечатью.

Соавтор сборника «Я – израненная земля» под общей редакцией Захара Прилепина.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международная экономика» Донецкого национального университета, заместитель декана экономического факультета.

ШАХТЁРСКАЯ ДОЧЬ

Червоточьями да кровоточьями
зарубцовывается война.
Над полями, что за обочинами,
полно чёрного воронья.
По дороге, что лентой стелется,
где изрублена, видит Бог,
русокося ясна девица,
в волосах – голубой цветок.
Её руки – не толще веточек,
её стопы – балетный свод,
она будет из добрых девочек,
из наивных святых сирот.
Её платьице – бедность мрачная,
её крестик – металл да нить.
Эта девочка столь прозрачная,
её вряд ли разговорить.
По дороге, где грязь окраины,
там, где воины начеку,
эта девочка неприкаянная
начинает собой строку.
Молчаливую, милосердную,
утопающую во тьме.

ГЛАВЫ из ПОЭМЫ

Эта девочка – достоверная,
как война, что в моём окне.
На ладонях – кресты да линии,
на глазах – пелена дождя...
эту девочку звать Марию.
И она на две трети я.

* * *

У Марии был дом – занавески и витражи,
был отец, который ей говорил: “Ложи!”
Был берёзовый шкаф, и была кровать,
вот такое счастье: ковать – не перековать.
А теперь у Марии что? На окошке – котч,
за окошком – ночь, и в окошке – ночь,
где бесшумные призраки – конвоиры снов –
не находят для этой девочки даже слов.
Всё сплошное лязганье, грохот, треск,
у Марии есть мать, у матери есть компресс,
а ещё икона, на которой
позолоченный Николай
обещает Марии тихий небесный рай.

* * *

Кто-то скажет: “Он был неплохим отцом...”
Сочинял ежедневно завтрак и в ванной пел.
Он ходил по субботам гулять
со своим птенцом –
говорил с Марией так ласково, как умел.
Его обувь была чиста даже в самый дождь,
его руки были огромны и горячи,
и Мария шагала рядом – шахтёрская дочь,
хотя в их роду остальные – все сплошь врачи.
Это было счастье – детское, на разрыв,
настоящее счастье, которому края нет.
Он всегда был первым и никогда вторым.
Они ели яблоки – золотой ранет,
они пили какао, ходили в театр и зоопарк,
он показывал ей созвездие Близнецов.
Он любил смешить её –
внезапно и просто так,
а однажды из проволоки подарил кольцо.

* * *

А потом приходила война, забирала в строй
самых смелых и самых правильных из людей.
Он забыл своё имя,
но запомнил свой позывной.
Он видел скелеты обуглившись церковей.
Он стал снова чёрен лицом, но душою бел –
научился молиться, словно в последний раз.
Он свои ледяные руки дыханием грел
и всё ждал, когда отдадут приказ.

* * *

Дорогой отец, не дари колец,
не дари цветов, берегись полков.
Воротись домой под большой луной –
станем жить-тужить до чужих женитьб,
до чужой любви, не считая дни.

Воротись, отец, воротись, боец!
Станем сказки плесть – вот добро, вот честь.
Станем пить огонь... Вот моя ладонь,
вот наш старый дом, словно в горле ком.
Вот наш спелый сад, вот ползучий гад,
райских яблок сок. Этот сад – есть Бог.
Этот сад – есть мы. Или наши сны.
Или наши сны...

* * *

Обрывается всё:
провода, разговоры и струны.
Обрываются жизни,
которым не видел конца.
Месяц май неожиданно
станет военным июнем,
в это жаркое лето
прольётся так много свинца.

Загорелые травы донецких степей,
терриконы,
обелиски невозвращенцам
из дальних дорог.
Этот мир всё ещё
подчиняется Божьим законам.
Этот мир состоит из патронов
и пары сапог.
Николай говорил, что победа,
добытая смертью, –
это просто победа над страхом,
победа побед.
Николай уходил
в распростёртые древние степи,
где посеяна смерть,
словно маковый цвет.

* * *

Что нас ждёт впереди? Победа.
Ясный сокол мой Николай,
мы вкусим и вина, и хлеба,
на двоих мы разделим рай.
А пока ты лежишь в окопе,
пока где-то кипят котлы,
я молюсь обо всех двухсотых
с наступлением темноты.
Вижу сполохи – рвётся небо,
на дыбы горизонт встаёт.
Смерть идёт по чьему-то следу,
дай-то Бог, чтобы шла в обход.

* * *

Мы – подвальные,
мы – опальные,
кандалы наши тяжелы.
Мы – идея национальная,
мы – форпост затяжной войны.
Чёрной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная –
наша ненависть к палачам.

Мы священные, мы убогие,
мы у Боженьки в рукаве.
И глаза Его слишком строгие.
И следы Его – на траве.

Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревём.
Эх, война-война – девка та ещё!
Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,
человеческий страшный суд...
Авель помнит –
повсюду Каины,
только высунешься – убьют.

* * *

Приносили его на щите,
и Мария губами к щеке
припадала, и плакала мать:
“Положите его на кровать!”
Он был хладен, безмолвен и сер,
и был день – беспросветный четверг.
Ну, а дальше, на пятницу – ночь,
и Мария, шахтёрская дочь,
занавешенных мимо зеркал
проходила в траурный зал
и глядела на лоб мертвеца,
на холодные губы отца,
на его восковеющий лик,
на немой неподвижный кадык,
на пурпурный распахнутый гроб,
словно двери в кровавый окоп,
где он денно и ночью сидел,
где живой он вчера помертвел,
где последнее небо его
выедало из глаз вороньё.

* * *

Воронки, вороньё, война...
Мария – дочь степи донецкой,
несчастный ангел бытия,
лишённый ангельского детства.
О, безотцовщины клеймо!
О, сиротливое удушье!
Война, воронки, вороньё.
Смертельно раненые души.

Прощайте, храбрые сыны!
Прощайте, дочери, до встречи...
И лица ваши – лик войны,
и в камне вас увековечат.

Мария, девочка моя,
коса – пшеница, руки – плети.
Воронки, вороньё, война.
А мы – войны святые дети.
А мы войны священный крест
несём и, в общем-то, не ропщем,
и в ополчение из невест
уходим через эту площадь.

* * *

С нами Бог!

С нами солнце и с нами дождь,
зарядивший снайперскую винтовку.
Это поле – рожь, а за рощей – ложь,
а за ложью – ружья наизготовку.

Это поле – ржавчина старых битв.
Что посеет ветер степей разъятых?

Террикон лежит, словно мёртвый кит,
облака плывут, облака из ваты.

Золочёный гулкий степной закат –
уплывает солнце за край планеты.
Кто во всём случившемся виноват?
Кто спасёт распятую землю эту?

* * *

Поле Дикое, цель опознана,
от винтовки саднит плечо.
Помолитесь, религиозные –
будет страшно и горячо.

Снайпер знает, что надо с первого –
долго целится, не спеша.
В степь Мария врастает нервами,
в них одна на двоих душа.
Точным выстрелом – пулей глупую
(смерть Марии теперь, как мать)
поле выслано будет трупами,
ночью станут их собирать.

У Марии в блокноте крестики –
безымянные пацаны.
И они почти все – ровесники
развязавшей войну страны.

* * *

Приходила зима – снежная, белая, –
и деревья стояли сказочные, звенящие.
Умиralи воины – юные, смелые –
умирали стоя, умирали по-настоящему.

Эх, донецкие ветры – вольница, житница,
а теперь безлюдье – лишь псы да вороны.
И моя Мария – степей защитница,
а вокруг зима на четыре стороны.
И в блокноте крестики в столбик синие,
на погостах новых крестов тьма-тьмуца.
И моя Мария – ресницы в инее,
и тоска на сердце, тоска гнетущая.

По отцу тоска, кровью не смываема,
и слезами тоже она не смывается.
И моя Мария – доченька Николаева –
полушёпотом молится Богородице.

* * *

Церковь белая на пригорке,
снег похож на лебяжий пух.
Глаз Марии предельно зоркий,
музыкален девичий слух.
За спиной – полсотни жизней.
На груди – православный крест.

Снег молочный безукоризнен,
снег из рая для адских мест.
И так хочется в детство снова —
в утро первого января,
старый год обернётся новым,
свечка — каплями янтаря.
На льняную скатёрку жизни
истечёт прозорливый воск.
И на кухне, как тюль, повиснет
дым от папиных папирос...
Но откроешь глаза и в небо
бросишь взгляд —
небосвод свинцов.
Что нас ждёт впереди? Победа!
И отмщенье за всех отцов.

* * *

Родить бы сына,
назвать Николашей.
Родить невинного,
кормить манной кашей.
Родить красивого,
глазами в деда.
Пусть вырастет сильным,
балованным сердцеедом.

Родить бы дочку,
тонкую, как берёзка,
беленькие носочки,
платье в полоску.
Волос тугой, русый,
не сплесть в косоньку,
плечики узкие,
пяточки абрикосовые.

* * *

Никого не родишь...
Только чёрный камыш
да слепая луна над рекой...
Не пройдёт человек,
даже серая мышь
здесь боится бежать по прямой.
Степь — лоскутный пейзаж
и горячий рубеж,
пограничье двух разных миров.
Я люблю этот кряж,
его дикий мятеж
в кружевах кучевых облаков.

И винтовка в руках,
и «ни шагу назад»,
здесь — забытая Богом земля.
И бесплодны поля,
где под небом лежат
нерождённые сыновья.

* * *

Здравствуй, мама! В моём блокноте
не осталось живого места, на сердце пусто.
Как вы там живёте, как вы все живёте,
когда здесь в степи алой речки русло?
Разливанны воды, небеса развёрсты,
километры гиблого безвоздушья,
а луна — сухарик окопный, чёрствый,
да и тот был кем-то другим надкушен.
Я убила столько, что думать страшно,
мой последний был молодым и рыжим.
Он бы мог стать братом мне бесшабашным,
он бы мог стать другом и даже ближе.
Я убила столько, что мне приснилось,
как отец спустился с небес к ставочку
белолицым ангелом — Божья милость! —
и сказал мне: “Машенька, хватит, дочка!”

* * *

А с неба не снег, а серые лепестки пепла.
Мария лежит, и горы над ней огромны,
но Мария не видит горы — она ослепла,
врастая хребтом в донецкие чернозёмы.
Она захлебнулась огнём, прикрывалась дымом,
ползла, а после бежала к густой зелёнке,
держала винтовку крепко, так держат сына,
младенца, завёрнутого в пелёнки.
Ей было почти не больно, почти не страшно,
её прикрывали громкие пулемёты,
на палец левее в одном километре — башня,
а справа стоят огнедышащие расчёты.
— Ребята, прикройте, я отхожу, ребята! —
Мария кричала и падала навзничь в почву,
и кровь её растекалась, как сок граната.
Мария, моя Мария, шахтёрская дочка.

* * *

На самой вершине дальнего рыжего террикона,
где колокольный звон — музыка из привычных,
они встретятся — отец и дочь, —
натянут сетку для бадминтона,
а у подножия плещется море — поле пшеничное,
и у них не будет другого занятия, кроме счастья.
И только Донецк с его улицами,
проспектами и мостами
навсегда останется с ними, будет их лучшей частью,
навсегда останется с нами —
погодами, розами и крестами.
Это память, с которой не стоит бороться,
она нетленна.
Я помню звук, с которым стреляют “Грады”,
ложатся мины.
Но Донецк — это не просто город, это вселенная.
Донецк — это шахтёрские девочки
и песня их лебединая.